

«Тирасполь? Это где?»

Ни война, ни драматическая судьба непризнанного государства так и не сделали Приднестровье героем столичных СМИ. Щедрый на трагедии XX век войну на Днестре просто не заметил. А между тем Приднестровье еще двадцать лет назад рассказало тот самый постсоветский миф, который сейчас рассказывает Украина и, не дай бог, расскажут другие народы. Эту историю надо послушать хотя бы теперь

Зимний стылый Тирасполь выглядит неказисто. В двух-трехэтажном городе с населением в 133 тысячи жителей старые купеческие домики чередуются со сталинским ампиrom, хрущевки с пятачками стильной современной застройки. Чудные местные ивы облетели, обнажив давно не отремонтированные фасады. Здесь не воюют с памятниками, поэтому их много. И Ленину, и Марксу, и Суворову, и всем павшим в разных войнах от Гражданской до последней – в 1992 году.

И я, и мои собеседники отлично понимаем, о чем мы говорим. Речь идет о судьбе постсоветского пространства, об Украине, о майданах. Вместо постаревшего призрака коммунизма новый призрак европейского либерализма бродит по постсоветским окраинам. История Приднестровья – это история того, как двадцать лет назад народ поднял руку сразу на обоих призраках, предпочтя им жестокую и веселую реальность. – Знаете, в чем главная проблема Донецка? – деловито говорит Владимир Рыляков, один из отцов республики, бывший парторг завода «Электромаш», а потом руководитель Комитета по внешним контактам ПМР. – В том, что у них нет команды. У нас была команда, которая точно знала, чего хочет. Они же до сих пор не понимают ничего ни про политическую форму своего государства, ни про экономические отношения, ни про армию – ни про что. У нас таких проблем не было.

Мера организованности приднестровской революции сейчас кажется просто невероятной. Тогда, в начале 90-х, буквально за несколько месяцев с нуля были созданы все необходимые государственные институты: правительство, Верховный совет, министерства, судебная система, банк, рассказывает Рыляков. Власти ПМР сохранили весь набор привычных советских соцгарантий — высокие пенсии, низкую коммуналку, бесплатную медицину и образование. В основу была положена советская политическая и социальная модель, но экономически ориентировались на Запад. Через год в ПМР уже была своя собственная валюта. Просчитав товарную обеспеченность своего денежного эквивалента, местные технари дальновидно решили привязать его не к рублю, а к доллару.

– В результате жители ПМР получили одну из самых устойчивых валют мира, – продолжает Рыляков. – Когда рухнула империя СССР и власть в России перешла в невидимые руки рынка, народ Приднестровья этого просто не заметил. Приднестровский рубль даже не дрогнул.

Непризнанное
экономическое чудо

На бульваре Гагарина – как положено, бюст Гагарина, на улице 25 Октября – Ленин в полный рост. Между Лениным и Гагариным – сталинские колонны Приднестровского университета. Только что закончились лекции, и по пустеющим коридорам бродят последние кучки студентов. Тираспольская молодежь не похожа на московскую. Лица добрее и спокойнее, одежда попроще. Подхожу к первой попавшейся студенческой

компании. Молодой человек по имени Саша – молдаванин, девушка Таня – украинка, Оля – русская. Все трое первокурсники с журфака – мы почти коллеги. Тут же выясняется, что живет в Тирасполе только Оля. Саша – с правого берега, из Молдавии, а Таня – из Украины.

– Зачем же поехали сюда учиться? Вы же получите диплом непризнанного государства! Ребята переглядываются. Оказывается, в России приднестровский диплом вполне признается, а мысль об эмиграции на Запад никому из ребят в голову не приходила.

– Ну, я всегда знал, что сюда поеду учиться, – серьезно объясняет Саша. – В Молдове образование такое – ни то ни се. То ли оно молдавское, то ли румынское – непонятно. Там вообще бардак. В школе учат одному, в институте спрашивают другое. Там же румынизация идет. А здесь все понятно – российские программы, преподавание отличное.

Загадка непризнанного Приднестровья состоит в том, что сюда хотят все ближайшие соседи – украинцы и особенно молдаване. Пенсии и минимальные зарплаты в ПМР ровно вдвое выше правобережных, а коммунальные платежи ниже молдавских в несколько раз. Понятно, что на правом берегу находится много желающих получить серпастые и молоткастые паспорта ПМР. Правительство Молдовы несколько раз обиженно заявляло, что несопоставимо разные условия жизни молдаван и приднестровцев «не способствуют процессам взаимной интеграции». Но, странное дело, приднестровцы равняться на молдаван не хотят.

Существовать почти 25 лет в условиях непризнания под страшным давлением Молдовы, а теперь и Украины – вообще-то политический подвиг. А если учесть, что ПМР сумела сохранить промышленность, экономику, социальную стабильность, гарантии и, главное, народное уважение к власти, – это подвиг вдвойне.

Россия, у которой с Приднестровьем нет общих границ, помогает, как может. Например, поставляет бесплатный газ. Население за газ платит по российским тарифам, что покрывает вечный дефицит местного бюджета. Около 30 миллионов долларов ежегодно Россия выплачивает приднестровским пенсионерам. Местная экономика хоть и обеспечивает всего 40% бюджета, вовсе не беспомощна. Все двадцать четыре года республики промышленность ПМР изо всех сил сучит ножками и вполне успешно сбивает из молока масло, что позволяет ей держаться на плаву. Власть ПМР физически не может позволить себе ни масштабной коррупции, ни даже тени недружелюбия по отношению к бизнесу и гражданским интересам. Двадцать четыре года местные власти и бизнес лавируют между экономическими блокадами, торговыми рогатками и политической агрессией Молдовы, спасая население от безработицы и нищеты. Если связка власть-бизнес-народ начнет рваться и кто-то потянет одеяло на себя, хрупкая непризнанная независимость просто рухнет. Да, многие предприятия пришлось сильно урезать в масштабах, да, что-то пришлось и вовсе закрыть за отсутствием рынка, но без куска хлеба и без работы Приднестровье все-таки не осталось. При всей своей непризнанности ПМР ухитряется бойко торговать на европейском рынке, с республикой ведут переговоры, заключают договоры на ввоз и вывоз.

Последний прикол, о котором рассказывают в Приднестровье, – тираспольская фабрика шьет военную форму для австрийской армии. Парадоксальное занятие для страны, которую весь мир уверяет в том, что ее нет! Но когда ты ходишь по ноябрьскому Тирасполю, иногда в голову невольно приходят мысли: а может быть, все наоборот и это не Приднестровье сошло с ума, а мы?

Седьмое гражданство

Граница с Приднестровьем страдает косоглазием. Со стороны Молдовы ее как бы нет, а со стороны Приднестровья она как бы есть. За ней те же солнце, платаны и лошади в придорожных ивах – но там Молдова, а тут Приднестровье.

– У нас до Молдовы десять километров, до Украины – четырнадцать. Там леи, там гривны, а у нас рубли. Так ходишь туда-сюда, меняешь, – бормочет баба Таня, копаясь в кошельке, набитом мелкими купюрами. Дочь, тетка Рая, тяжело вздыхает. Цветастый платок бабы Тани все норовит сбиться на сторону. Она поправляет его двумя ладонями, сжывая пальцы и приглаживая выбившиеся волосы. Баба Таня и тетя Рая из села Глиное, что в тридцати километрах от Тирасполя. Подхватили меня в кишиневском аэропорту. Втроем взять машину дешевле. Тетка Рая только что с работы, из Вологды. Едут хоронить бабушку.

– А паспорта? – ворчит тетка Рая. – Вот у меня два. Я в России работаю. А некоторые и по три-четыре делают. И молдавский, и украинский, и российский. Ну, а что? Жить-то надо.

Серпастый и молоткастый паспорт Приднестровья сохранил советскую стилистику и то же содержание. С ним никуда с родины не уедешь. Зато можно иметь, сколько хочешь гражданств. Наш шофер – молдаван из Кишинева, живет в Тирасполе. Тетка Рая и баба Таня русские, живут в украинском селе. Все демонстрируют пачки паспортов. На троих получается семь гражданств.

Великая окраина

Пеструю историю Приднестровья рассказывает мне Ефим Бершин, московский поэт, писатель, автор документального романа «Дикое поле» о войне 1992 года, в которой сам же участвовал.

– Я тебе с самого начала расскажу, а то непонятно будет, – говорит Ефим, блестя живыми глазами талантливого новороссийского иудея. Москвич, родившийся в Тирасполе, он сохранил изысканную речь и находчивость человека с окраины. Это та самая окраина, которую предпочитал Бродский, откуда Овидий наблюдал метаморфозы мифов. Вечное пограничье, ничейная и общая земля. Здесь смешиваются языки и проходят границы цивилизаций. Это то, что всегда в напряжении и всегда ускользает от внимания центра.

– Территория по левому берегу Днестра всегда называлась диким полем. Ты представь, на протяжении последних нескольких столетий это место двенадцать раз переходило от одного государства к другому! – горячо рассказывает Ефим. – С севера были поляки. С запада, то есть из Бессарабии, набегали турки, с юга – татары, с востока – запорожцы и так далее. То одни пограбят, то другие. Только когда Россия при Екатерине укоренилась в северном Причерноморье, когда образовалась Новороссия, вот тогда здесь стали закрепляться.

Тут надо оговориться. Во-первых, историческая Новороссия – это всего четыре города: Одесса, Херсон, Николаев и Тирасполь. Во-вторых, современная Молдова вовсе не Молдова, а Бессарабия. Молдавское княжество начиналось западнее, на правом берегу Прута. Но границы гуляли от десятилетия к десятилетию. На крошечном пяталке земли целых три цивилизационных начала – славяне, европейцы, турки – боролись за зону влияния. Пока Бессарабию мучила Османская порта, Приднестровье в 1793 году окончательно пришвартовалось к России. Почти сразу же Екатерина разработала «План

поселения Новороссийских земель», согласно которому заселять Приднестровье имели право любые народы, какие пожелают.

– Тогда сюда съехалось каждой твари по паре, – говорит Бершин. – Крестьяне из средней России, старообрядцы, украинцы, молдаване, казаки. А еще: армяне, поляки, сербы, немцы, итальянцы, венгры, татары, евреи всех мастей. Десятки народов! В результате тут получился такой многонациональный Вавилон. Еще на моей памяти эти народы сохраняли свои языки, религии, традиции. При этом общались все на русском. И никаких национальных конфликтов на этой территории никогда не было. Понимаешь, никогда!

В 1792 году был основан Тирасполь. В 1794 – Одесса. Чуть позже образуется Новороссийская губерния – южная окраина славянского мира.

– Бессарабия вошла в состав Российской империи после войны с Наполеоном, в 1812 году. Пушкин еще в лицей ходил, – продолжает Ефим. – Все притязания Румынии на эту территорию просто смешны. Сама Румыния возникла в 1867 году, когда Пушкина уже тридцать лет как похоронили. Она была образована только потому, что так захотели Россия и Австро-Венгрия в пику туркам. Ну, благодарность была невелика. Еще через полвека румыны оттяпали у нас Бессарабию.

При Советской власти история правого и левого берега Днестра снова пошла врозь. В 1918 году во главе Бессарабии встал демократический Сфатул Церий (Совет страны), состоявший из представителей всех сословий. Под шум войны и революции Румыния активно агитировала местную верхушку за присоединение к себе. Сфатул Церий был против. Тогда прорумынски настроенные элиты просто расстреляли несогласных депутатов, провели второе голосование – и все получилось. Румыны тут же ввели войска. Беды, которые посыпались тогда на головы местного населения, до сих пор помнят молдавские старики. Румыны де-факто колонизировали страну, лишив коренных жителей всех гражданских прав. За двадцать лет румынского владычества Бессарабия восставала десять раз!

А между тем на левом берегу полным ходом реализовывалась дальновидная национальная политика Сталина. Историческая Новороссия была разрезана на мелкие кусочки, а на Приднестровье неожиданно-негаданно свалилась государственность.

В 1924 году здесь была образована так называемая Молдавская автономная советская социалистическая республика (МАССР), вошедшая в состав УССР.

– Это было сделано понятно зачем, – объясняет Ефим. – Сталин вынашивал планы вернуть Бессарабию. А как? Воссоединить ее с этой маленькой автономной республикой. Поэтому ее и назвали Молдавской, хотя молдаван там было в лучшем случае процентов двадцать.

В 1940 году по пакту Молотова – Риббентропа Красная армия заняла территорию Бессарабии. Местные жители встретили наших с восторгом. Ниточка, закинутая Сталиным, сработала, образовалась Молдавская ССР и Приднестровье уже окончательно стало Молдавией.

Впрочем, румыны вернулись меньше чем через год. Уже вместе с фашистами. Между Бугом и Прутом образовалась территория румынской администрации, так называемая Транснистрия. За три года оккупации Молдавия потеряла четверть населения, в том числе 90% евреев и две трети цыган. Румыны узаконили телесные наказания, которые испытал на себе каждый десятый бессарабец. Каждого двадцатого засекли до смерти. Крестьяне облагались сорока видами налогов. Рабочие получали в день 150–200

граммов хлеба. В общем, когда война кончилась, все обрадовались.

– Все сорок лет Советской власти никаких национальных конфликтов тут не было. То, что Сталин разрезал историческую Новороссию, никому не мешало. Пока это была одна страна – да и черт бы с ним. Зато потом, когда с правого берега попер Народный фронт с его нацистской программой...– Бершин качает головой и шепотом продолжает: – Забегая вперед, хочу сказать, что Тираспольское радио во время войны передавало новости на четырех языках: русском, украинском, молдавском и идиш. Они прекрасно знали, что их спасет только интернационализм.

Отцы-основатели

Я брожу по улицам Тирасполя и не могу избавиться от странного чувства. В этих домах, памятниках и скромно одетых людях сохраняется едва уловимое ощущение того, что все это часть чего-то большего. Страны? Но ее уже нет. Идеи? Но ее, вроде, тоже нет. Или все-таки есть? Мы часами разговариваем с отцами – основателями республики. Они приглашают меня к себе в скромные двухкомнатные квартирki в хрущевках и кормят супом. Врачи, руководители заводов, бывшие парторги. Серьезные, неторопливые, крепкие старики с выражением неистребимого чувства правды и достоинства в глазах – почти исчезнувший в России вид человека ответственного. Когда эта история только начиналась, им было по сорок-пятьдесят лет. Сейчас им под семьдесят.

– Я до мозга костей республиканец! – строго глядя мне в глаза, говорит Владимир Рябцев, многолетний председатель республиканского ЦИКа, известный местный врач, один из основателей ПМР. – Но вы нас поймите! Создание государства не было нашей целью. Мы сделали это только для того, чтобы защитить наши права. Нас выбросило, но мы остались в Советском Союзе, даже если он сам себя разрушил. Мы были не согласны с этой исторической ошибкой. Нам не оставили выбора.

– Какой тип государственности вы строили тогда?

– Социально ориентированное народовластие без национальных заморочек.

– Мы не собирались сохранять ту страну, которая разваливалась у нас на глазах, – горячо объясняет Рыляков. – Мы не слепо повторяли советскую модель, мы все понимали. Мы хотели построить измененный Союз, без тотального партийного контроля, без издержек плановой экономики. Помните, Ельцин и Гайдар говорили, что рынок все расставит по местам? Это же бред! Само по себе ничего не делается. Мы понимали, что все ключевые ресурсы должны были оставаться под государством. Если и переходить в рынок, то медленно, приучая людей, все время исправляя ошибки. В тот момент никто не был к этому готов. Никто не просчитывал проблемы. Никто вообще не знал, что из всего этого получится! Потому все и рухнуло. Мы что, дураки были во всем этом участвовать?

Против свободы

Народный фронт Молдавии сформировался в Кишиневе еще в 1987–1988 годах. Возглавил его журналист Юрий Рошка. Сейчас все это выглядит чистым безумием, а ведь тогда идею Народных фронтов поддерживал лично Горбачев. Заводилами выступали прибалты, Молдавия оказалась в общем проевропейском тренде. Идея государственности по национальному признаку в условиях интернациональной Молдавии выглядела страшно. На фронтоне Дома правительства появился плакат: «Русских – за Днестр, евреев – в Днестр». Осенью 1989 года толпа националистов долго носила по улицам гроб, в котором якобы лежал молдаванин, убитый русскими.

Искали повод для погромов – по счастью, не нашли. Вскоре выяснилось, что мертвец русский и погиб в автокатастрофе, но это были детали.

Народ, более чем на две трети состоявший из «пришлых», на все это смотрел с тихим изумлением. ЦК партии Молдавии был нем как рыба. Москва тоже молчала.

Конфликт Кишинева и Приднестровья начался на границе рокового ментального разлома, который и поныне лежит в основе российской государственной рефлексии. На правом берегу безумствовала абстрактно мыслящая творческая интеллигенция, порождавшая националистические лозунги и умозрительные теории, а на левом действовали технари, производственники, выступавшие в одной связке с народом.

– Они же там, с правого берега, понятия не имели, в какой стране живут, что такое труд, как живет народ, – возмущается Рябцев. – Это был потребительский класс. Откуда берутся деньги, чьи они, как страной управлять – ничего не понимали! Они всегда получали деньги из бюджета, не умели ничего производить. Полная безответственность!

В канун рокового 1989 года Рябцев работал врачом в Никарагуа по направлению Минздрава. С родины доносились странные слухи. Володя пожимал плечами: национализм в Молдавии, где на одного молдаванина приходится один украинец, один русский и пол-еврея, – это смешно!

– Однажды в Никарагуа приехал один известный молдавский композитор, – рассказывает Владимир. – Мы с ним общались, конечно. И вдруг он мне начал говорить – молдавская интеллигенция заслуживает большего, мы пали жертвой русификации, пришлый народ поработил нас, надо вернуться в Румынию, к нашим корням. Я его слушал-слушал и говорю: знаете, я русский, у меня отец с румынами и фашистами воевал, а после войны его послали Молдавию поднимать. К нему молдаване ходили и руки целовали. Здесь жуткая нищета была! Румыны молдаван «цырянами» называли, низшей кастой, грязными. Батогами забивали. При Советской власти здесь жизнь началась. Дома строили, дети учиться пошли, сельское хозяйство создали самое передовое в СССР. А вы мне будете говорить, какие румыны хорошие?

Дальнейший сценарий знаком многим постсоветским территориям: запрет на русский язык – народное возмущение, переходящее в затяжной конфликт. В марте 1989 года Союз писателей Молдавии выступил с законопроектом о языке. Писатели предлагали запретить родителям выбирать язык обучения детей, за использование русского в официальном общении полагалась административная и даже уголовная ответственность. К лету стало понятно, что закон примут в еще более жестком варианте. В самом начале августа Молдавию взорвали повальные забастовки. За три дня дружно встало все Приднестровье. За неделю к нему присоединилась вся остальная рабочая Молдавия. В общей сложности в забастовке приняли участие 214 предприятий.

11 августа в Приднестровье был создан ОСТК – Объединенный совет трудовых коллективов – ключевой орган будущей приднестровской революции.

– К тому моменту уже на всех заводах действовали забастовочные комитеты, – рассказывает Рыляков, один из руководителей ОСТК. – Рабочие и директора заводов выступали в одной связке. Во всех крупных городах Приднестровья народ подчинялся только нам. Что мы стали делать? Мы сразу попросили коммунальщиков приостановить забастовку, чтобы обеспечить нормальную жизнь. Милиция бездействовала, поэтому были созданы рабочие отряды содействия милиции. Мы объявили сухой закон, изъяли

весь алкоголь из магазинов. У нас рабочие во время забастовки получали 70% зарплаты, мы так решили...

Позиция приднестровцев была простой и очевидной – остаться в Союзе, не поддаваться националистическому безумию. Беда была в том, что кроме них своей позиции не имел никто. Особенно Москва. Приднестровье оказалось в полной изоляции. Местное руководство ощущало себя как в романах Агаты Кристи: зима, пурга, отель заметен снегом, связи нет, на руках труп, а в доме убийца.

– Мы все время посылали сигналы, писали, звонили, ездили в Москву, пытались с кем-то встречаться. Бесполезно! – говорит Рыляков. – Москва ничего решать не хотела. Никому до нас дела не было. Вы помните, что тогда Лукьянов сказал: не раскачивайте лодку.

На фоне парада суверенитетов Приднестровье портило всю картину. Со всех трибун приднестровцы кричали, что уход республик приведет к остановке всего, деградации власти, унижению самой идеи молдавской государственности. Народный фронт с пафосом отвечал, что молдаване проживут на вине и куске мамалыги – лишь бы выйти «из-под российского сапога».

– Меня как-то пригласили на круглый стол на молдавском телевидении, – рассказывает Рыляков. – Они мне стали говорить, мол, вы против Конституции Молдавии. Я им отвечаю: Конституция Молдавии вторична по отношению к Конституции СССР. Они мне: вы считаете, что Молдавия не имеет права на самоопределение? Я им: а вы у народа спросили? Суверенитет не спускается сверху. Они мне: но у нас нет закона о референдуме! А я им: это что, такая проблема – написать закон о референдуме? И мы стали писать закон о референдуме.

Референдум о независимости Приднестровья прошел летом 1990 года. «За» проголосовало 97% местного населения.

2 сентября 1990 года на Втором Чрезвычайном съезде депутатов всех уровней Приднестровья в Тираспольском театре была провозглашена Приднестровская Молдавская советская социалистическая республика (ПМССР), входящая в состав СССР. Весть о республике народ встретил на ура. Для людей это означало простую и понятную вещь: избранная власть возьмет на себя ответственность за то, что не будет погромов, что социальные гарантии не будут отменены, что жизнь будет продолжаться нормальным человеческим способом.

Уже в декабре 1990-го Горбачев заявил о непризнании Приднестровья. Но дело шло к развалу СССР, и заковыка с маленькой ПМССР уже не могла остановить каток истории. – Парадокс был в том, что все призывали к демократии, власти народа, торжеству его интересов и воли. Но как раз эту-то волю народа тогда никто не учитывал! – возвышая голос до стога, говорит Рябцев. – Народ был против развала Союза, но этот развал был целью тогдашнего правительства. Все панически боялись прецедентов. Разрешить нам остаться в Союзе было нельзя. По этому пути сразу пошли бы другие, и план бы сорвался.

Так началась высокая и трагическая история маленькой и упрямой страны. История свободного отказа от свободы, которой манили ранние 90-е. Маленькая ПМР осмелилась противостоять колоссальной исторической катастрофе, потрясшей российскую государственность.

Продолжение в № 55

